

АПОКАЛИПТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОСОБЕННОСТИ И СИМВОЛИКА

Бобохонов Мавлон Рахматиллаевич

Zarmed university, кафедра «Социальные науки», доктор филологических наук (DSc), доцент

Низомова М.

Самаркандский государственный университет, магистрант кафедры русской и зарубежной литературы

Аннотация. В статье анализируются характерные черты апокалиптического дискурса как литературного феномена: его эсхатологическая природа, богатая метафорика и символизм, связанные с представлениями о «конце света». В частности, рассматриваются произведения Чингиза Айтматова («Белый пароход», «Плаха»). Апокалиптический дискурс в этих текстах проявляется как критика социальных, политических и природно-экологических бедствий, служит предостережением и одновременно способом переосмысления национальной идентичности.

Ключевые слова: апокалиптический дискурс, эсхатологические мотивы, Центральная Азия, ислам, кочевничество, Айтматов, идентичность.

Annotatsiya. Maqolada adabiy hodisa sifatida apokaliptik diskursning asosiy xususiyatlari: uning esxatologik tabiati, boy metaforik ifodasi va “oxir zamon” haqidagi tasavvurlar bilan bog‘liq ramziy belgilar tahlil qilinadi. Xususan, Chingiz Aytmatov asarlari (Oq kema, Qiyomat romanlari) misolida tahlil etiladi. Ushbu matnlarda apokaliptik diskurs ijtimoiy, siyosiy va ekologik ofatlarni tanqid qilish vositasi, shuningdek, milliy o‘zlikni qayta anglash vositasi sifatida namoyon bo‘ladi.

Kalit so‘zlar: apokaliptik diskurs, esxatologik motivlar, Markaziy Osiyo, islom, ko‘chmanchilik, Ch.Aytmatov, o‘zlik.

Abstract. The article analyzes the key features of apocalyptic discourse as a literary phenomenon: its eschatological nature, rich metaphoric language, and symbolism associated with the concept of the "end of the world." Particular attention is paid to the works of Chingiz Aitmatov (The White Steamship, The Scaffold). In these texts, apocalyptic discourse emerges as a critique of social, political, and ecological

disasters, serving both as a warning and as a means of rethinking national identity.

Key words: apocalyptic discourse, eschatological motifs, Central Asia, Islam, nomadism, Ch.Aitmatov, identity.

Апокалиптический дискурс – это специфическая форма литературного выражения, опирающаяся на эсхатологические представления о конце света и новой эре. Он характерен для многих культур и обычно включает символику всеобщего катаклизма: страшного суда, космических катастроф (огонь, потоп, нашествие чудовищ) и последующего обновления мира. В литературе апокалиптики использует богатую метафорическую систему: образы четырех всадников, страждущих младенцев, падших ангелов, «за-каменевшую» или уничтоженную природу. Такие образы часто выполняют двойную функцию – они предупреждают о греховности современности и одновременно указывают на возможность очищения или рождения нового порядка. При этом апокалиптическая риторика тесно переплетается с религиозными эсхатологическими нарративами. Например, Ф.Петров замечает, что «в христианстве апокалиптики изначально была утопическим ожиданием конца света и суда истории, тогда как в исламе – хотя о кон-це времен говорит прежде всего пророк Иса (Иисус) – мотивы конца света в Священном Коране проявлены скуднее и усиливаются лишь в последующих преданиях»¹.

Важную роль в формировании исламской эсхатологии сыграли и иранские зороастрийские традиции, что подчеркивает её связь с глубокими индоевропейскими мифологемами о гибели и возрождении мира. Таким образом, апокалиптический дискурс сочетает в себе понятие «конца истории» и символику разрушения-возрождения, отражая общее для многих культур представление о цикле смерть-воскресение.

Ключевые черты апокалиптического дискурса: а) Эсхатологическая перспектива: ожидание окончательного суда, конца эпохи и перехода в «новую эру» (часто – идеальную); б) Богатая метафорика: масштабные природные и сверхъестественные катастрофы (пожары, потопы, нашествия чудовищ) как символ нравственного и социального распада; в) Религиозные и мифологические аллюзии: образы из Книги Откровения Иоанна Богослова, хадисов о Судном дне, зороастрийских мифов, буддийских представлений и др. Например, исламский апокалипсис предполагает появление Махди или возвращение Исы как

¹ Петров Ф.Н. Эсхатологический миф: миф о грядущей гибели и последующем возрождении мира. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2001. 304 с.

признаков приближения конца света; г) Космический масштаб: в «оземлении» апокалипсиса сочетается личное и общественное. Так, в эзотерическом толковании у Л.Шестова Человека Божьего «Страшный суд» становится моментом максимального напряжения между личностью и Богом; д) Надежда на обновление: даже в самых мрачных текстах можно найти надежду на возрождение («новое небо и новую землю»), заложенную ещё в индоевропейских мифах через зороастризм.

Апокалиптические мотивы в литературе Центральной Азии неотрывны от местных культурных традиций. Жизнь в степях и горах диктует особенное восприятие пространства и времени. Открытые, простирающиеся до горизонта пустыни и степи порождают чувство неопределенности и уязвимости перед силой природы. Историческая память «великих походов» (включая эпоху монголов и Чингизидов) придает местному сознанию идею о конце старого мира и рассвете нового. Например, древняя легенда о «манкурте» (в мифологии среднеазиатских народов) символически связывает прошлое с будущим, когда цивилизация овладевает «не только земными, но и воздушными пространствами», расширяя границы апокалиптического воображения.

Принятие ислама принесло в регион собственные эсхатологические концепты: Судный день (йаум аль-киямат), возвращение пророка Исы (Иисуса) и появление ад-Даджаля (антахриста). Как отмечает Ф. Петров, хотя в Коране тема конца света затуманена, в народных религиозных преданиях она ярко проявляется, во многом благодаря влиянию зороастрийских и христианских представлений. В Центральной Азии эта космогоническая традиция смешивалась с местными верованиями (например, огнепоклонничеством), что сформировало особый «апокалиптический миф» о гибели и восстановлении мира. В народной поэзии и преданиях часто упоминались признаки приближения «Охир замон» (Конца Света): моральный упадок, междоусобицы, страдания верующих и война с «неверными».

Официально безбожный атеизм СССР пытался подавить религиозную эсхатологию, но на смену религиозным сюжетам пришли метафоры идеологической катастрофы. События 1917 г. и позднее Великой Отечественной войны воспринимались некоторыми писателями как «земной апокалипсис» и суд над прошлым. В литературе этого времени апокалиптические мотивы часто связаны с экологическими и нравственными катастрофами модернизации. Например, в романе «Буранный полустанок» (1963) Ч. Айтматова описано

ядерное строительство («операция “Обруч”»), которое становится «светопрествалением» не только для людей, но и для животных, подчеркивая грандиозные разрушения»².

Развал СССР и последовавшие социальные потрясения вернули апокалиптическую тематику в литературу в контексте поиска национальной идентичности. В новых независимых республиках авторы обращались к эсхатологическим образам, чтобы осмыслить распад прежнего мира и построить новую культурную парадигму. Апокалиптический дискурс стал одним из способов «архивирования идентичности» – он позволяет сравнить страшные страхи и надежды людей с исторической судьбой народа, продолжая традиции эсхатологии «зар-замана». В целом можно говорить о том, что в Средней Азии апокалиптические мотивы эволюционировали от кочевых и религиозных корней к модернистским и постмодернистским формам выражения (утопии и антиутопии, «постапокалиптические» романы и повести).

Уникальное отражение апокалиптического дискурса даёт творчество писателя Чингиза Торекуловича Айтматова – крупнейшего автора Средней Азии. Уже в ранних его повестях присутствуют мотивы «конца света» как личной и общественной трагедии. Так, в «Белом пароходе» (1970) смерть мальчика становится символическим протестом против абсурда общества и пренебрежения природой: гибель ребёнка, не получившего старой родословной книги, показывает хрупкость бытия и предупреждает о моральном опустошении людей. В «Пегом песце, бегущем краем моря» (1970) испытывается граница человеческой нравственности в «пограничной» ситуации, а в «Буранном полустанке» (1963) апокалипсис выходит за земные пределы. В «Буранном полустанке» апокалиптические мотивы «окончателности и хрупкости человеческого бытия» расширяются «до вселенских пределов» – древний миф о манкурте как бы растягивается в грядущее, где ракеты сковывают не только землю, но и небо.

В поздних романах Айтматова эти мотивы становятся особенно глубоко символическими. Например, в «Плахе» (1987) центральный герой – кузнец Авдий – обретает черты возвышенного мученика или даже «воскресшего Христа среди нас»: автор задаётся вопросом, что бы было, «если бы среди нас появился воскресший Христос». С этой метафорой связываются эсхатологические мотивы

² Мискина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2004. 24 с.

Серебряного века – ожидание Второго пришествия. По Ч. Айтматову, смерть Иисуса в прошлом искупила вину человечества лишь от первого конца света, но люди продолжили грешить и оказались на грани самоуничтожения. В «Плахе» Идея Света и жертвенности воплощается в образе Авдия (его вера в «Бога-современника» и светлые начала внутри человека). Таким образом, в «Плахе» апокалиптический нарратив приобретает христианский экзистенциальный колорит, одновременно критикуя («апокалиптически» проклинает) безумие века и сохраняя надежду на «возрождение» через любовь и нравственную чистоту.

Другие авторы Центральной Азии. Апокалиптические мотивы встречаются и у других писателей и поэтов региона. Например, в казахской литературе поэты «зар-замана» глубоко впитывали религиозный эсхатологизм. Н. Нуртазина отмечает, что в поэме Дулата «Осиетнама» рисуется «целостная эсхатологическая картина мира»³.

В произведениях современных авторов Центральной Азии мотивы апокалипсиса нередко связываются с экологическими и социально-политическими темами. Так, в романе Н.Абишева и Э.Когая (монография «Литература Центральной Азии. Архетипы, мифологемы, концепты»), упоминается, что пустынный пейзаж региона сам по себе воспринимается как потенциально апокалиптический – бескрайние степи и пустыни внушают идею надвигающейся катастрофы, если человек переступит грань гармонии с природой. В произведениях узбекских и таджикских авторов XX–XXI вв. также можно найти переработки образов конца света (например, тема угасания цивилизации в трудах Амина Кашгари, Дониёрахон Шарофзода и др.), хотя специфика каждой культуры придаёт этим сюжетам местный колорит.

В литературе народов Центральной Азии апокалиптический дискурс оказывается многоплановым инструментом. Он соединяет древние эсхатологические мотивы (экологические, религиозные, тоталитарные) с современными проблемами. Через него авторы критикуют социальные пороки и чуждые влияния, предостерегают человечество от саморазрушения и одновременно ищут в испытаниях коллективную идентичность и новые смыслы. Каждый художественный текст обретает таким образом «концовое» звучание – его катастрофическое эхо призывает к переосмыслению прошлого и будущего культур Центральной Азии.

³ Нуртазина Н.Л. Идея Конца света и образ России в казахской ментальности: доклад XIII Междунар. конф. CESS (Блумингтон, Индиана, США, 2012).

Список литературы:

1. Айтматов Ч.Т. Плаха: роман. М.: Молодая гвардия, 1987.
2. Ишкина Е.Л. Эсхатологические мотивы в романах Чингиза Айтматова // Мировая литература в контексте культуры. 2008. № 3. С. 133–139.
3. Мискина М.С. Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: автореф. дис. канд. филол. наук. Томск, 2004. 24 с.
4. Нуртазина Н.Л. Идея Конца света и образ России в казахской ментальности: доклад XIII Междунар. конф. CESS (Блумингтон, Индиана, США, 2012).
5. Петров Ф.Н. Эсхатологический миф: миф о грядущей гибели и последующем возрождении мира. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2001. 304 с.
6. Васильева-Шальнева Т.Б. Апокалиптическая диалогия Чингиза Айтматова (романы «Плаха» и «Тавро Кассандры»): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2013.